

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №17 ГАЗЕТА

София Агачер / Исцеление мира

КЛИМЕНКОВА Елена Васильевна,
литературный псевдоним София Агачер

Родилась в 1961 году в городе Гомеле Белорусской ССР. Закончила Минский медицинский институт, защитила диссертацию по специальности «Анестезиология и реаниматология». Имеет авторские изобретения и научные статьи. Начала писать в 2013 году.

Автор многочисленных рассказов, пьес; сценариев: «Рассказы о Ромке и его бабушке» (2018), романов «Твоими глазами» (2019), «Путешествие внутри себя» (2020); «Исцеление мира. Журнал Рыси и Нэта» (2024). Лауреат ряда литературных премий.

Основные книги автора размещены на сервисах «Ридеро» и «Литрес», как в электронном, так и в аудиоформате.

Член Союза писателей России.

Помогай, помогай, Анискин!

«О Сибири буду писать долго. Это моя родная, чудесная, таёжная земля».

Виль Липатов

Липатова любят. По-прежнему. По-настоящему. По-сибирски крепко. Останови даже сейчас почти любого тогурчанина или колпашевца и спроси о Виле Владимировиче, тебе тут же расскажут, что «Анискин-то жил у нас в селе Тогур, сибиряк он, милиционером был человечным, справедливым и порядочным, ну, как в кино, точь-в-точь! Уважали его деревенские!».

Гордость земляков — бесценна. Её можно заслужить только невероятным трудом вкупе с талантом и, конечно, искренним пониманием людей и самого места, где вам по счастливой случайности выпало родиться, жить и трудиться. И вряд ли возможна она, если вы «не одного поля ягоды». Но творческая судьба Виля Владимировича Липатова стала прекрасным исключением из подобных правил.

Он родился в городе Чита 10 апреля 1927 года. Отец Липатова был известным журналистом и работал в газете «Забайкальский рабочий». Мама Сара Садович была преподавателем в

школе. В 1929 году волею судьбы маленький Виль оказывается сначала на Дальнем Востоке, а с 1941 года потом уже и на сибирской земле. С маленького села Тогур Нарымского округа и начнётся его творческий путь.

Отучившись два курса в Новосибирском институте военных инженеров, он примет решение уйти из института и вернуться в Колпашево. А уже в 1947 году

Липатов успешно завершит обучение на отделении физики и математики Колпашевского учительского института. После его окончания Виль Владимирович вернётся в село Тогур и устроится на работу учителем начальных классов в Тогурскую начальную школу.

Уже многим позже будет в судьбе писателя и город Асино, где Липатов будет работать в районной газете «Причудливая правда», и город Томск, где он станет настоящим журналистом и начнёт писать очерки, статьи, рассказы и даже фельетоны в томской областной газете «Красное знамя», и город Москва, где Липатов будет не просто публиковаться в толстых литературных журналах, но и построит отличную писательскую карьеру. Виль Владимирович станет специальным корреспондентом центральных газет «Правда», «Известия» и «Литературная газета», будет даже вести свой курс в Литературном институте им. М. Горького, и станет секретарём правления Союза писателей РСФСР.

Неизвестного в Москве журналиста-сибиряка привётил Валентин Катаев. В 1956 году в молодёжном журнале

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор

Юрий Козлов

Редакционная

коллегия:

Дмитрий Белюкин

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Ответственный

редактор

Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2024

Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации

П/И № ФС77-68350

от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные

индексы издания:

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2024 №17 /1958/ Основана в 1927 г.

София Агачер

Исцеление мира

Журнал Рыси и Нэта

Роман

Здравствуй, дорогой Читатель!

«Писать просто и ясно так же трудно, как быть искренним и добрым», — считал Моэм. Всю свою жизнь я стараюсь быть искренней и доброй, но просто о сложном, о трудном, о больном писать так и не научилась. Трагедия сама определяет язык повествования.

Не мы выбираем место рождения.

Случилось так, что я родилась в Гомельской области и про Чернобыльскую катастрофу знаю не понаслышке. Авария прошла через отчий дом и моё сердце, унеся жизни близких людей, и во многом повлияла на мою судьбу.

Роман «Журнал Рыси и Нэта» я начала писать в 2014 году, выкладывая главы в своём блоге «Живого журнала». Отсюда его название и композиция. После первых робких публикаций и зарисовок в сети стали появляться комментарии читателей. И теперь каждая глава в книге снабжена небольшими комментариями.

Так я познакомилась со Змееловом.

Вы, конечно, догадались, что это ник?

Со Змееловом я освоила огромный пласт знаний о животном и растительном мире.

Нам кажется, что это мы приручаем зверей и животных. Между тем это они приручают нас. Змеелов писал о рыси, волке, кабане, зубре, чёрном аисте, выдре, как будто и сам был этим зверем. Он рассказывал не просто о дикой природе, а о животном царстве, том мире, из которого были изгнаны люди, словно падшие ангелы из рая.

Когда умирает срубленное дерево, убитая охотником птица или зверь, земля лишается частички души.

И вот, наконец, наша кормилица устала от издевательства — осушения болот, вырубки лесов, уничтожения зверья и птиц — и выдохнула, изгнав тупых и обнаглевших паразитов — людей.

Границы свободного в своей первозданности мира от непрошенных гостей охраняли изящные и хитрые рыси. Патрулировали территорию и следили за порядком сильные и мудрые волки.

Зверьё здесь было непуганое — охотилось и днём, и ночью. Зубры, кабаны, лошади Пржевальского, медведи жили по своим законам, никому не принадлежа и не желая подчиняться законам дичи под прицелом.

Берёзы, осины да ёлки насквозь прошили брошенное человеческое жильё. И оно стало трухой. Змеелов описывал мир дикой природы без человека. Мир дикой природы обрёл рай! В общем, как говаривал Пришвин, «с природой одною он жизнью дышал»...

Я знала только одно такое место в Европе — Полесский государственный радиационно-экологический заповедник, или «Чернобыльский рай», как шутил Змеелов.

Так о чём мой роман?

О любви и о спасении любимых! Он о творце и его творениях, ибо, по словам Ницше, творчество — вот великое спасение от страданий, великое облегчение жизни!

Ужас и Страх умаляют жизнь. В этой книге вы их не найдёте, не найдёте того, что так любит теперь смаковать кинематограф!

Страх появится позднее... причём у тех, кого и близко там не было. А тогда, помню, не было ни страха, ни ужаса при эвакуации населения — никто ничего ещё не понял!

И героизма, и жертвенности не было — люди делали свою обычную работу, как выполняли её каждый день до того, и радовались, что им заплатят по два, а то и три оклада...

Если ещё проще и яснее... мой роман о враче, спасающем свою любимую от жуткой болезни. Диагноз понятен, причины возникновения заболевания не изучены, лечения не существует.

Врач решается на научный эксперимент, который можно провести только в условиях закрытой природной экосистемы, где водятся рыси. В мире существует лишь одна такая «природная лаборатория» — заповедник в Чернобыльской зоне отчуждения, где и раскручивается маховик сюжета.

Надо ли добавлять, что все события и имена в романе являются вымышленными?

Если нет, то приятного погружения!

Ваша Софья Агачер

Забитый колодец, безлюдной деревни хранитель,
Некошенный, серый, под солнцем стареющий луг.
И купол вдали золотится, святая обитель,
И город пустой перед ним возникающий вдруг.
И странные люди, одетые не по сезону,
И всё, что ты видишь вокруг, называется зоной.

Сергей Урывин из песни «Зона»

Пролог

Чёрное небо провисло, как клеёнка с водой. Туча напоминала поливальную машину. Фиолетовые вспышки молний исполосовали небо.

Если бы не близкое знакомство доктора Андре Бертье с президентом Французской республики и не поздний звонок господина Жака Ширака своему коллеге президенту Беларуси Александру Лукашенко, частный самолёт французского телевизионного канала TFC никогда не смог бы приземлиться в Национальном аэропорту Минска.

Но шасси выпущены, словно когти у кошки, колёса мягко коснулись бетона, и двенадцатиместный комфортабельный «джет» побежал по почти пустынному взлётному полю, где враспынную стояли самолёты с тёмно-серыми крестами на фюзеляжах.

— Похоже, люфтваффе опять базируются в Минском аэропорту?! — пошутил брюнет с типичным для француза крючковатым носом.

Стюарт Шарль, опоясанный ремнём безопасности, нервно поправил свой красный галстук-бабочку и пояснил:

— Господин Бертье, это самолёты «Белавиа» с цветком василёк — эмблемой белорусской авиакомпании.

— А почему тёмно-серого цвета?

— Кризис: не хватает синей краски, дорогой Андре, — рассмеялся сидящий напротив доктора Бертье высокий мужчина, после чего с ленцой потянулся, встал и... стукнулся головой о верхнюю багажную полку. — У-у-у-у... Подделом мне... или, как говорится, «il ne faut pas réveiller le chat qui dort»!¹

Мелкий дождь не прекращался.

Пассажиры «джета» явно нервничали и хохмили, подбадривая друг друга перед поездкой в Полесский радиационно-экологический заповедник. Группа французского телевидения получила разрешение не только на посещение, но и на съёмку фильма о животном мире закрытой и таинственной Чернобыльской зоны. И предвкушение опасного путешествия пьянило, как шипучка из подвалов мадам Кликко.

Белоруссия встречала французских телевизионщиков с уважением и вниманием, подобно членам правительственной делегации. Улыбчивый пограничник поднялся в салон «джета», проверил и простамповал паспорта.

У самолёта застыли микроавтобус «Мерседес» и вытянувшийся в струнку, как солдат почётного караула, доктор биологических наук, зоопсихолог Фёдор Юркевич.

Доктор Бертье первым сбежал с трапа, обнялся с белорусским учёным и возбуждённо заговорил по-русски, слегка картавя:

— Фёдор, как я рад тебя видеть! Мы ждали этого дня десять лет! Свершилось!

Руководитель группы и переводчик доктор Андре Бертье, его помощница доктор Надежда Сушкевич, компьютерный гений доктор Ву и операторская группа, состоящая из настоящих, прожжённых телевизионщиков, одетых в выдающую виды летнюю

¹ Не следует будить спящего кота (*фр.*).

форму солдат Французского легиона: Мишель Дризэ, Александр Капнист и Поль Ванькович, — расселись по местам.

Прибывший багаж молниеносно перегрузили в микроавтобус, и уже через десять минут прилетевшие покинули территорию взлётно-посадочного поля, так и не побывав внутри здания Минского аэропорта.

У шлагбаума офицер пограничной службы, молодой летёха, отдал французам честь и даже попытался натушно улыбнуться.

Белорусская земля радовала гостей жёлтыми и фиолетовыми полями цветущего люпина, поздними трелями июньского соловья и нежно-зелёными берёзовыми рощами вдоль дороги по маршруту Минск — Хойники.

Французы ещё не пришли в себя, и Фёдор Юркевич решил взять их в оборот.

— Как устроились, ребята, всем удобно?! Едем прямо в Хойники. Расстояние — триста тридцать километров, время в пути — пять часов. Сейчас 13:00 по местному времени; через пару часов сделаем привал в лесочке недалеко от Бобруйска. Поснедаем, как говорят белорусы, ушицы из щучек утреннего улова, а кто рыбку не уважает — тому мачанку с рёбрышками и драниками предложат. Так что ещё засветло прибудем на место. Там для вас забронирован целый этаж в гостинице «Журавинка». Хорошая гостиница... не хуже ваших клоповников на Монмартре... — На французский язык почти дословно переводил вводную речь Фёдора доктор Бертъе, опустив, правда, его замечание насчёт кровососущих в парижских отелях.

Гости воспрянули духом.

— Фёдор, — обратилась моя помощница Надежда к доктору Юркевичу (хочу заметить, что на Западе «доктор» — это вежливая форма обращения к любому учёному, а не только к врачу), — лёту от Парижа до Минска всего ничего, да и условия у нас были шикарные, так что все сэкономленные силы, помноженные на любопытство, мы намереваемся обрушить на вас. Расскажите нам о Полесском заповеднике, Чернобыльской зоне, обо всём, что мы должны узнать, прежде чем попадём в радиационную паутину человеческой боли.

Фёдор Юркевич, автор уникальной книги по зоопсихологии волков, и доктор Андре Бертъе, известный невролог, познакомились на научной конференции в Париже в середине девяностых. В то время одно упоминание Чернобыльской зоны вызывало у европейцев первобытный ужас. Но когда небольшого роста и совсем негероической наружности, с давно не бритой щетиной на лице, рано облысевший человек лет пятидесяти выступил с докладом об опыте сохранения экосистемы на примере Полесского радиационно-экологического заповедника, весь зал аплодировал белорусскому учёному стоя!

Андре Бертъе пригласил Фёдора Юркевича к себе в Ниццу. Именно там, на Лазурном Берегу, на вилле

«Вера», где находилась неврологическая клиника для безнадежных больных, и возник этот безумный план совместного эксперимента и поездки в Заповетник...

Фёдор снял бейсболку, взлохматил остатки растительности на черепе, достал из сумки три альбома и протянул французам.

— Родные мои! В этих альбомах фотографии обитателей и истинных хозяев нашего Чернобыльского рая! Полюбуйтесь на этих красавцев — оленей, зубров, медведей, рысей, чёрных аистов, орланов, диких лошадей Пржевальского. Разве они не прекрасны?

Телевизионщики оживились.

— Все эти животные наконец-то обрели свой дом, откуда ужас перед радиационным облучением и смертью выгнал самых страшных, всё и вся пожирающих и разрушающих существ на Земле — нас с вами.

«Мерседес» плавно скользил по асфальту. Тихо и бесшумно. За окном — ван-гоговские поля. Киношники с альбомами в руках, где каждой твари по паре. Ноев ковчег!

А Фёдор тем временем продолжал:

— Итак, немного истории. 26 апреля 1986 года, в 1 час 23 минуты, произошёл аварийный взрыв четвёртого энергоблока Чернобыльской атомной станции. Взрыв был такой чудовищной силы, что разрушил толстые стены из бетона и в атмосферу было выброшено колоссальное количество радиоактивных веществ. В блоке начался пожар — первыми в этот ад спустились пожарные расчёты.

Они не знали, что погибнут. Вечная слава и память этим ребятам-пожарным, спасшим всех нас!

Пламя было потушено, но начались мощнейшие выбросы радиоактивных веществ. Шквальные порывы ветра рвали, гнали и разбрасывали радиоактивные облака по всей Европе, где смерть выпаладо пылью и проливным дождём на цветущие сады; сохнущее бельё; играющих детей; участников велогонки мира; людей на первомайских демонстрациях; крестьян, работающих в поле; коров, жующих отравленную траву.

Для нейтрализации четвёртого энергоблока был сооружён «саркофаг», на строительство которого затратили более трёхсот тысяч тонн бетона и большое количество свинца.

За два года свыше полумиллиона человек приняли участие в ликвидации аварии и её последствий. Сейчас их называют ликвидаторами. Большинство из них болеют, многие умерли, но никто не считал и не считает себя героем, потому что нас в Советском Союзе с детства учили Родину защищать. Сотни тысяч людей вынуждены были навсегда покинуть свои жилища, простившись с землёй и могилами предков.

Больше всего досталось моей родной Беларуси: на территории Гомельской области выпало около семидесяти процентов радиоактивных осадков. В радиусе тридцати километров от Чернобыльской стан-

ции непригодная для жизни людей территория с заражённой на тысячу лет почвой, с сотнями оставшихся без хозяев брошенных деревень, куда тут же потоком хлынули тысячи мародёров со всей страны, была огорожена колючей проволокой и стала строго охраняемой зоной.

Отныне и до веку, как бессменные постовые, застыли на границе с этой землей столбы с табличками, на которых красным по белому, словно кровью по снегу, начертано: «ВНИМАНИЕ! РАДИАЦИОННАЯ ОПАСНОСТЬ! ВХОД И ВЪЕЗД ЗАПРЕЩЁН!» А ядовито-жёлтый треугольник с изображением «вентилятора», или знак радиационной опасности, знает сейчас в Белоруссии любой малый ребёнок.

В альбомах есть и знаменитые фото: развороченный взрывом Четвёртый энергоблок; автобусы с эвакуирующимися жителями Припяти; колесо обозрения в Парке культуры и отдыха, которое должно было открыться в городе энергетиков на майские праздники 1986 года; обнявшиеся молодые ребята и девушки на берегу реки Припять, любующиеся на фантастически красивое зарево пожара на атомной станции; пионервожатая, что привела ребят на мост посмотреть, как работают их отцы после пожара на станции.

Смотрите, смотрите!

Подавленные французы молча листали страницы истории.

Сколько боли сочилось с этих фотографий... У любого человека сожмется сердце.

По лицу Надежды беззвучно катились слёзы, а операторы сразу стали заниматься своей работой: снимать дорогу; реакцию соседей по микроавтобусу на чернобыльскую бьель; Фёдора с его словно уставившимися в одну точку глазами и сами фотографии. Профессионалы!

Спасительная рутинная работа, что может вытащить из любого стресса и горя, хвала тебе! Главное — не выть, а что-то постоянно делать.

Фёдор замолчал, достал из винтажной, потёртой на сгибах и швах сумки термос и повернулся к остальным пассажирам:

— Предлагаю на этой пафосной ноте сделать короткий антракт и испить сбитня, приготовленного моей матушкой специально для вас.

По салону автобуса потёк травянисто-медовый пряный аромат. Путники, держа в ладонях пластиковые кружки, жадно вдыхали запах, отхлёбывая маленькими глотками горячее янтарного цвета варево.

— Федя! Объясни, что это за чудодейственный напиток? — поинтересовался доктор Бертъе, прикрывая глаза и как мартовский кот на солнце урча от блаженства.

С каждым глотком волшебного нектара шестерёнки в черепушке крутились всё быстрее, а краски мира становились ярче и теплее.

Французы были взяты в полон!

— Андрей! — обратился к другу на русский манер Фёдор. — Объясни своим коллегам, что ещё одна

кружечка сбитня — и мы не только начнём целовать и любить друг друга, но и, подобно ракете, взлетим на Луну. Матушка моя готовит этот напиток из шипучего мёда и трав, что ей передаёт Матвей Остапыч аккуратно из тех мест, куда мы едем.

— Ты хочешь сказать, что этот напиток сварен из растений и мёда Чернобыльской зоны? — прошептал Андре, с ужасом обозрев пустое дно своей кружки.

Доктор Бертъе приуныл.

— Именно это я и сказал. Недалеко от контрольно-пропускного пункта «Бабчин» есть потрясающая экспериментальная пасека, мёд откуда в небольших дозах обладает сильнейшими целебными свойствами. Как в гомеопатии, где вещества в микродозах являются лекарствами, а в макро — ядами.

Французы, не обращая внимания на шепчущихся, радостно галдели и протягивали чашки за добавкой.

Надежда закрыла рот ладошкой, чтобы не прыснуть от смеха, глядя на вытянувшуюся физиономию и выпученные глаза доктора Бертъе, который, сделал несколько глубоких вдохов и успокоившись, объяснил кинооператорам, что больше одного стакана сбитня с непривычки пить не рекомендуется — это хоть и не абсент, но всем предстоит завтра трудный поход.

А Фёдор, пошалив, невозмутимо продолжал свою привычную лекцию о Полесском заповеднике.

— Хорошо, надеюсь, все восстановили силы, получили удовольствие и готовы слушать меня дальше, — как с привычной профессорской кафедры вещал доктор Юркевич, пряча свой огромный термос от греха подальше в сумку. — Тридцатикилометровая Чернобыльская зона отчуждения находилась на территории двух советских республик — Украинской и Белорусской ССР.

В июле восемьдесят восьмого года Беларусь в своей части организовала Полесский государственный радиационно-экологический заповедник. Вот так через пять лет после аварии уже существовали две совершенно разные структуры, подчинённые правительствам независимых государств: украинская Зона отчуждения и белорусский Полесский государственный радиационно-экологический заповедник. И что интересно, в Зоне отчуждения природа и животные «отчуждены», восстанавливаются не шибко, хиреют, а в Заповеднике флора и фауна заповедные, пышные. Всё в этом мире как назовёшь, так и будет.

Радиационный заповедник обосновался в трёх районах Гомельской области: Брагинском, Наровлянском и Хойникском. Жители девятиности семи вёсак были выселены за пределы этой территории.

Ежедневно заботятся о заповедной зоне около семьсот человек: охранники, егеря, лесники, научные работники, сотрудники МЧС. Приезжают на практику студенты-биологи, учёные, журналисты, фотогра-

фы из различных стран. Двадцать лет флора и фауна жизнедействуют здесь без вмешательства человека. В заповеднике больше тысячи двухсот пятидесяти видов растений, из них одни только заросли исчезнувшего повсеместно водяного ореха чего стоят.

Остапыч обязательно поведёт вас туда снимать диких кабанов — уж очень они любят там пастись. Радиация и страх перед ней надежнее любой охраны защищают заповедник от браконьеров. Попасть туда можно только по специальному пропуску, который трудно получить.

Надежда отвернулась к окну и, как будто вынырнув на поверхность из своих мыслей, проговорила:

— Фёдор Стратонович, я ведь родом из этих мест и прекрасно знаю, что и самосёлы есть в заповеднике, и мальчишки-сталкеры захабавают за «хабаром»!

Белорусский учёный лукаво улыбнулся и неожиданно хлопнул в ладоши.

— Давайте все вопросы, дорогие мои, вы зададите своему проводнику Матвею Остаповичу. Завтра он вас будет ждать на КПП «Бабчин». А моё дело — рассказать вам общеизвестные вещи и доставить в администрацию заповедника, что находится по улице Валентины Терешковой в городе Хойники... Да еще разместить вас в «Журавинке».

Фёдор замолк, посмотрел внимательно в окно и, повернувшись к водителю, неожиданно пробасил:

— Василий, у той нарядной хатынки сворачивай налево и по просёлку пыли до берега Березины. Пора снестать!

— Березина! Березина! — радостно зашумели французы, хлопывая друг друга.

Широко и вольно среди лугов и синего неба раскинулась река, полноводная голубая коханочка.

Спустя десять минут микроавтобус остановился на пологом берегу. Деревянный стол, лавки, костерок с котелком... Гости попрыгали на траву и начали шумно и жадно вдыхать воздух, напоённый свежестью реки, ароматами скошенных трав, горьковатым дымом костра и сногсшибающим запахом царской ухи.

Très bien!

Александр Капнист — шустрый, похожий больше на озорного мальчишку, чем на одного из известнейших военных тележурналистов, в бейсболке козырьком назад — по-дружески начал тузить и тащить к реке Мишеля Дризэ с нескрываемым намерением столкнуть в воду.

— Ну что!.. Французишка!.. Это историческое место — Березина!.. Здесь мой прапра — и так далее дедушка Василий Капнист, русский офицер, полковник Миргородского полка, герой Войны 1812 года, чей портрет висит в Эрмитаже, потопил несметное число французских солдат и, как гласит семейное предание, чуть не взял в плен самого Наполеона Буонапарте! Тут русские всегда мочат французов! — кричал месье Капнист на прекрасном русском языке.

Мишель Дризэ — среднего роста, коренастый, лет сорока, явно не робкого десятка, коллега Алек-

сандра по военным походам — растерялся, начал пятиться назад, споткнулся о корягу и со всей дури плюхнулся в воду.

Правнук продолжил дело своего прадеда!

Водитель микроавтобуса Василий среагировал молниеносно: бросился в воду и помог гостю выбраться.

Пока Мишель переодевался, путники растянулись на лавках у стола, покрытого настоящим льняным рушником, белоснежным, с вышитыми красными нитками ромбами, берегинями, голубями и медведями.

«Вить-вить-фьють-фьють!» — раздалось совсем рядом.

— Да замолчите же вы! Это соловьи поют! — тихо сказал Андре. (Шёпот порой громче любого окрика заставляет людей замолкнуть.) — Не слышал их с археологического похода в восемьдесят четвёртом! Поздний соловей, старый! Поёт с хрипотцой, с горечью! Мастер! Моя бабушка говаривала, что соловьи поют только до Троицы, пока берёза косы не закрутит.

«Ку-ку! Ку-ку!» — начала аккомпанировать соловьёй кукушка.

Надежда с ужасом прижала руки к груди, считая:

— Раз, два, три... — и с каждым счётом морщинок на её лице становилось меньше, а весёлых рыжих искорок в янтарных глазах — больше.

Вечерело, дым от костра туманом стелился вдоль реки. Облака, как декорации из буколической идиллии, паслись на небе.

Повар в уху вылил стакан водки, снял котёл с костра и поставил его на пень рядом с общим столом, где уже красовались лук-порей, гора петрушки и укропа, огурчики зелёные пупырчатые да красавец каравай, разодранный на крупные ломти — по-другому горячий хлеб порезать нельзя, разве что ломать.

Если бы не французы, то хозяйка так и сделали бы, потому что ломать — оно всегда вкуснее!

Помечтаем: рука смачно отламывает хрустящую корочку, чувствует тепло и радость земли; аромат хлеба дурманит... Увертюра к симфонической поэме «Царская уха»... Но стоп, гости-то из Европы, вот хозяйка и постеснялись!

Повар — румяный дядька лет пятидесяти, в колпаке и фартуке — большой деревянной ложкой неспешно помешал уху в котле и медленно начал разливать это божественное варево по деревянным мискам, добавив для вкуса, как это делают все настоящие рыбаки, уголёк из костра. Недаром Иван Сергеевич Тургенев на знаменитых обедах «пяти освищенных» угощал своих французских товарищей именно «царской» ухой!

— Родной, не томи, — застонал Фёдор Юркевич, первым заграбастав миску с ухой (то был весьма некорректный жест в первую очередь по отношению к гостям, а если среди них дамы — тем более!). — Сейчас захлебнусь собственной слюной. Ребята, изви-

ните, я первый, смотрите на меня. Вы ведь не умеете есть деревянными ложками, да ещё варево прямо с костра. Вначале вдыхаете аромат ухи, потом зачерпываете её ложкой и не спеша едите, смакуя каждый кусочек. Кому несподручно, скажите — дадут металлические ложки, но я не рекомендую: вкус еды станет совсем другой.

Что тут началось за столом! Смех, чавканье, крики, глаза горят, пот со лба течёт...

Одним словом — пир!

— Уф! А почему повар водку в уху вылил? Кто знает? Нереально вкусная пьяная уха! — закончив есть и облизав ложку, спросил доктор Ву.

— Да потому, что это «царская» уха. Рыба-то речная — вот водку и подливают, чтобы отбить запах тины, — неожиданно ответил Поль Ванькович. — Моя бабушка именно так и стряпала уху. — И он протянул повару свою миску за добавкой. — Хоть мисочка размером с деревянное корытце, но я бы съел ещё, уважаемый! В парижском ресторане ни за какие деньги такое блюдо не попробуешь. Разве что марсельская уха — буйабес, но это совсем не то! Когда ещё придется в следующий раз попасть в давно утраченный гастрономический рай!

— Что самое главное и трудное в приготовлении «царской» ухи? — положив ложку и переведя дух, выпытывала Надежда у повара.

— Самое сложное — это найти старого петуха, из которого варится бульон для ухи! — смеясь ответил тот.

Французы острили, рассыпались в комплиментах в адрес повара, красоты природы и белорусских женщин. Все наелись, расслабились, успокоились, на столе появился самовар с липовым чаем для неспешного разговора.

— Пока мы не вошли в зону эксперимента и не достигли Полесского радиационного заповедника, основные характеристики нашего сознания не искажены, — обратился к сидящим за столом доктор Бертье, — поэтому я хочу попросить доктора Ву и его любимое детище — нейрогенный компьютер, известный нам под именем Нэт, — создать на базе цифровой платформы нашего эксперимента отдельный журнал, куда участники экспедиции будут записывать, что они видели, чувствовали, слышали, о чём думали. Что, наконец, им снилось, какую информацию считывали в общедоступном Интернете и многие другие мелочи, что окружают нас и которым мы не придаём ни малейшего значения. Но, работая в столь опасной зоне, где авария исказила время и пространство, такая мелочь, замеченная одним из нас, может спасти жизнь другому.

Имея доступ к журналу, все участники эксперимента смогут, что крайне важно, обмениваться мнениями в комментариях к постам. Кроме того, оставшиеся во французской клинике другие участники эксперимента, я имею в виду свою жену Веронику, также будут с нами. Таким образом мы получим наиболее полную картину происходящего.

— Отличная идея, Андре! Ты просто читаешь мои мысли, — сказал доктор Юркевич, внимательно слушая перевод Надежды.

Доктор Ву задрал голову и, казалось, никого не слышал, пытаясь разыскать в кроне дерева серенькую птичку, с дотошностью бухгалтера отсчитывающую мелочь.

— Ку-ку! Ку-ку! Я насчитал сто восемьдесят, так что на каждого участника нашей безумной экспедиции, включая доктора Юркевича, Веронику и Нэта, приходится по двадцать лет предстоящей жизни. Отличная перспектива! — включился в разговор Николай Ву. — М-м-м... Я бы поставил ещё такой небольшой фильтр, позволяющий любому во Вселенной существу с вибрациями ментально-эмоционального поля, сходными с нашими, участвовать в обсуждении постов. Не надо аплодисментов: идея принадлежит не мне, а Нэту, который считает, что это безопасный способ расширить границы эксперимента, — пошутил доктор Ву, внимательно всматриваясь в вытянувшиеся от изумления, как на полотнах Модильяни, лица товарищей.

— Не понимаю, зачем заниматься лишней писаниной: операторы и так снимут всё происходящее с трёх точек, — воскликнула слегка раздражённо доктор Сушкевич.

Поль Ванькович вытер полотенцем лоб и шею, налил себе ещё чашку липового отвара и перебил Надежду:

— Извините, мадам, я хочу рассказать забавный случай. Гулял я как-то со своей супругой по одному из жилых кварталов Парижа. И вдруг вижу, как по карнизу четвёртого этажа идёт огромный бело-серый мейн-кун. Точь-в-точь как мой оставшийся дома котяра Фипс. Степенно так ступает лапами и шевелит кисточками ушей. Я обомлел! Покрылся холодным потом, с тревогой следя за каждым шагом кота, пока тот благополучно не добрался до открытого окна и не скрылся за шторой

В это время моя жена, устав дёргать меня за рукав куртки, начала истерично хохотать: «Никогда не думала, что вид голой женщины в окне приведёт моего мужа, военного оператора, в такой экстаз!»

Оказывается, двумя этажами ниже в огромном французском окне стояла абсолютно обнажённая мадам и пила вино из бокала. И если бы не хохот и слова моей благоверной, я бы никогда не увидел эту голую тётку! Так что каждый человек видит мир по-своему. А оператор тоже человек! «Ведь снимает не камера, а глаза, сердце и ум оператора», — говаривал мой большой друг — советский фотожурналист Николай Рахманов. Барон, между прочим. Мы видим только то, что в фокусе камеры или нашего интереса, и ничего больше, подобно лошадям с шорами на глазах.

Колдовская тишина окутала своим покровом пикник. Вата облаков отражалась в воде, река жизни бесшумно катила свои воды в вечность...

После этих слов все присутствующие за столом задумались, замолчали и лишь неутомимая кукушка продолжала предсказывать будущее.

— Предлагаю назвать наш «полевой дневник» «Журнал Рыси и Нэта», — неожиданно для всех прошептала Надежда.

Ответа не последовало; молчание — знак согласия.

— Вот и ладушки!.. По коням, ребята, нам ещё ехать до места часа три, — хлопнул по столу Юркевич, встал и посмотрел на часы. — Опаньки! Почти четыре часа. Покатила ушица наше солнышко к закату!

Как бы в ответ на слова Фёдора солнце, пойманное в сети могучим облаком, заалело.

После гостеприимного и щедрого «перекуса» на берегу Березины микроавтобус без каких-либо остановок и разговоров домчал наших развалившихся на сиденьях и мирно похрапывающих героев до небольшого белорусского городка.

Справа, составленное из огромных бело-зелёных каменных букв, промелькнуло названием «ХОЙНИКИ». По обеим сторонам дороги потянулись аккуратные, крепкие деревянные домишки, нарядно выкрашенные в жёлтый и зелёный цвета, с резными наличниками и фигурными коньками. Потом автобус свернул, и дорога стала широкой, а дома пошли каменные и двухэтажные.

— Друзья! Просыпаемся! Милости прошу в старинный белорусский городок Хойники — бывшую вотчину воинственных и гонористых шляхетских родов Вишневецких, Ястрембжевских, Ваньковичей...

Доктор Бертье, разбуженный зычным голосом Фёдора, начал переводить, но, споткнувшись о фамилию Ванькович, воскликнул:

— Ба, да ты, Поль, вернулся на родину предков? Ты же Ванькович?.. Похоже, многие из нас имеют свою тайну, связывающую его с этим местом.

Поль перевернул на безымянном пальце массивный золотой перстень и показал всем эмалевую пластину с красным рыцарским щитом, короной и лисом.

— Это перстень с гербом «Лис» рода Ваньковичей, к которому я действительно принадлежу. Не верил до последнего, что увижу свой родовой замок с огромным, на несколько гектаров, парком, вымощенными дорожками, репликами античных скульптур. В начале прошлого века мой прадед Станислав построил вблизи замка, в местечке Рудаков, мелиоративные каналы, кирпичный, маслосырдельный и спиртовой заводы.

— Прости, брат! — с пониманием продолжил разговор Фёдор Юркевич. — Там одни руины. Рудаков попал в зону отчуждения. Сельскохозяйственный техникум, который размещался в барском поместье, был эвакуирован в Хойники. Но я попрошу Матвея Остаповича, нашего проводника, показать тебе замок и заброшенный парк...

Лучи заходящего солнца преломились в рыжей шелюре пана Ваньковича, увенчав её золотистой короной прямо, как на гербовой пластине перстня, а длинный нос, заостренной формы ушные раковины и небольшие карие, близко посаженные глаза и многочисленные веснушки придавали ему сходство с лисом.

Автобус плавно остановился перед двухэтажным бело-розовым зданием с надписью под коньком крыши «Журавинка».

— Господа французы, приехали! В вашем распоряжении будет весь верхний этаж гостиницы. Кому какой номер достанется — разберёмся. Я буду жить вместе с вами... Выгружаемся! Вещи переносим в холл, паспорта отдаём дежурной для регистрации. Ужин в кафе на первом этаже, если кто голоден! Завтрак в семь тридцать утра. Потом загружаемся в вездеход МЧС и отчаливаем к контрольно-пропускному пункту «Бабчин»... Надюша, переведи! Извини, устал... весь французский вылетел из головы, — бодрым командным голосом завершил день Юркевич.

Солнце садилось медленно, небо алело, появился белесый контур молодого месяца, вдали закукарекали петухи, залаяли собаки. На улицах городка ни души. Местное население засыпало рано, с курами и солнышком. После аварии на Чернобыльской станции здесь остались доживать свой век тринадцать тысяч человек. Кормил Хойники заповедник — основное место работы горожан.

Журнал Рыси и Нэта

Профиль: журнал_рыси_и_нэта.

Журнал был открыт 6 июня 2006 года, заморожен 15 июня 2006 и продан Смотрителями, включая авторские права на публикацию материалов в открытом доступе, Софии Агачер в 2014 году.

Имя: Журнал Рыси и Нэта.

Смотрители Журнала: доктор Андре Бертье, доктор Николас Ву.

Участники Журнала: Надежда Сушкевич, Нэт, Мишель Дризэ, Поль Ванькович, Александр Капнист, доктор Фёдор Юркевич, Матвей Остапыч, Профессор Эйн, Вероника Бертье.

Местонахождение: Полесский государственный радиационно-экологический заповедник Республики Беларусь — г. Ницца, Франция.

Способы связи: доступ к Журналу через всемирную паутину для комментариев имеет любое разумное существо Вселенной с вибрациями ментально-эмоционального поля, сходными с аналогичными характеристиками Участников.

Описание: Журнал базируется на цифровой платформе эксперимента, проводимого французской экспедицией под руководством доктора Андре Бертье в Полесском государственном радиационно-экологическом заповеднике, и является полевым журналом участников этого эксперимента. Журнал ведётся на французском и русском языках. Автор переводов — доктор Андре Бертье.

Пост 1

Лис

6 июня 2006 года

Поль Ванькович

Задействовав все свои мыслимые и немыслимые связи, съёмочной группе французского телевидения удалось-таки получить разрешение на посещение Полесского радиационно-экологического заповедника.

Странная это была группа. Впервые за двадцать лет операторской работы в экстремальных условиях военных конфликтов меня пригласили в киноэкспедицию, исходя из результатов исключительно медицинского обследования. Три года тому назад я провёл шикарную неделю на Лазурном Берегу в неврологической клинике доктора Андре Бертъе, где получил приличный аванс и подписал контракт на участие по первому требованию в экспедиции в Чернобыльский радиационный заповедник. И при этом, похоже, моё профессиональное портфолио никого не интересовало.

Шикарный «джет» бизнес-класса доставил меня, двух моих старинных друзей и коллег — Александра Капниста и Мишеля Дризэ, нашего босса доктора Андре Бертъе и доктора Ву в аэропорт белорусской столицы. А вот рыжеволосую красавицу с зелёными глазами я видел впервые.

— Меня зовут Надин, — представилась она. — Я ассистентка доктора Андре Бертъе.

Это были её единственные слова за три с половиной часа полёта. Вылитая Жанна д'Арк в тридцать лет!

Молодая женщина закуталась в несколько пледов, пытаясь унять судороги, периодически сотрясавшие её тело. Видно, сильно нервничала перед опасным путешествием и пыталась согреться. Хотя чего там опасного?! Авария на Чернобыльской станции случилась двадцать лет назад, сотни тысяч людей прошли через зону отчуждения. Да и не пустит нас никто снимать разное зверьё там, где здорово фонит. Индивидуальный дозиметр есть у каждого.

После приземления немного размялся: поснял придорожные сиренево-жёлтые миражи с полями цветущего рапса и люпина, а заодно и лекцию белорусского учёного доктора Юркевича послушал. Классная профессия у мужика — изучает психологию волков и, похоже, живёт в этом заповеднике безвылазно. Я бы совсем не удивился, если б он не только умел выть по-волчьи, но ещё и при полной луне оборачивался бы в серого!

Недалеко от Бобруйска свернули к Березине. Во Франции название этой реки используется как синоним катастрофы. Вышел я из автобуса — думал: снимаю... Но какое там! Духмяный аромат трав, костра, реки одурманил, и я на тонкой ниточке, как канатоходец над пропастью, под песню соловья забрался куда-то в давно забытые райские куши!

Вроде сижу я в камуфляже рядом с остальными у деревянного стола в ожидании буйабеса, ноздри раздуваю, аки жеребец... Но внимание расфокусировано, картинка расплывается... — и в моём галлюцинирующем мозгу проявляются зов охотничьего рога, ржание лошадей, лай собак, вой волка и скулёж огромной раненой кошки, причём я абсолютно уверен, что кошки, — так плачет мой мейн-кун... Охота. Где-то идёт охота, которой я никогда не видел, но о которой мне как-то рассказывал... дед. Да, точно, дед! У отца в гостиной даже висела старинная картина «Шляхетская охота на рысь у берегов Припяти»... Это Березина, а не Припять — вспоминаю я и осознаю, что сижу рядом с Александром Капнистом за столом и тупо смотрю на деревянную ложку.

Уха была божественная — так умела готовить только моя бабушка. Медленно, смакуя, я съел три огромные миски. И всё это время чувствовал тёплые бабушкины руки и её ласковый шёпот: «Jedz, jedz! wniczek!»

После обеда доктор Бертъе предложил каждому из нас делать заметки в полевой журнал обо всём, что не только случится, но и почудится на этой земле. Да, похоже, местечко ещё то!

Разместили нас в ближайшем к заповеднику городке, в Хойниках, в гостинице с непереводаемым фольклорным названием «Журавинка».

Я затащил свои фотокамеры и сумку в небольшой номер. Кровать была застелена чистым, хрустящим бельём.

Ура! Главное — вымыться с дороги. В ванной комнате на стене, между раковиной и душевой кабиной, висела табличка «Мойся вначале холодной водой!» и стоял пластиковый бак с нарисованным знаком радиационной опасности на боку.

Нужно будет спросить у Фёдора, что это означает, а пока пришлось закаляться!

Плотно позавтракав картофельными оладьями, которые тут называются драфиками, мы погрузились в машину МЧС, напоминающую луноход. Я пристроился в кабине рядом с водителем — самая удобная точка для дорожной съёмки.

Через пять минут двухэтажные городские домики закончились и мы свернули на шоссе с указателем «Стреличево».

По обе стороны дороги зеленели поля озимых, потом замелькали добротные кирпичные и бревенчатые деревенские дома. Стреличево было полно жизни: в придорожном пруду с камышами плескались утки; привязанная к забору коза мирно уплетала траву; в огородах — не только без единой сорной травинки шнурки грядок, но и внушительных размеров теплицы.

Созерцание этой спокойной и полной жизни деревни умиротворяло. Похоже, что люди здесь и думать забыли о радиации!

Поля рапса перешли в лес. Впереди замаячило красное пятно, вскоре оказавшееся крышей дома.